

Елена Соколова

**СЛЕДЫ
ВО
ВРЕМЕНИ**

Елена Соколова

Следы во времени

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5000456
Следы во времени/ Елена Соколова: Мирт; Москва; 2007
ISBN 978-5-88869-222-6*

Аннотация

В этот сборник вошли различные по жанру произведения: притчи и сказки, написанные в иносказательной форме; рассказы, в которых говорится о любви и дружбе. Эта книга будет интересна и взрослым, и детям.

Книгу можно использовать для проведения занятий в Воскресной Школе.

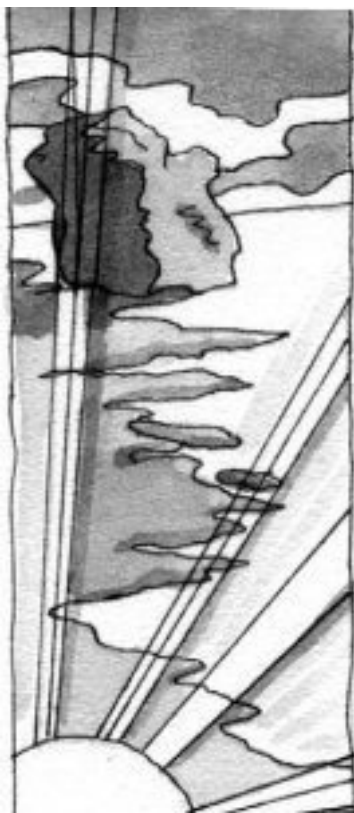
Содержание

Глина	5
1	6
2	15
3	21
Мышки	27
Живая вода	33
Муравейник	45
Луч	51
Океан	55
1	56
2	59
3	63
Птица в клетке	66
1	67
2	75
Семечко	80
Бабочка	87
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Елена Соколова

Следы во времени

Глина

Буря неслась над землей. Она выворачивала деревья, тут же заваливая их слоем земли. Обломанные ветки, сорванные листья, трава, камни – вся эта масса устремлялась вперед, беспорядочно кружилась и вдруг на мгновение останавливалась, цепляясь за случайные препятствия. Но тут же, подхваченная ветром, вновь устремлялась вперед и, едва стихал порыв, разлеталась по сторонам.

Огромная скала стояла неподвижно, принимая на себя удары стихии, и давала возможность укрыться в своих гротах, расщелинах, пещерах и пещерках любому живому существу.

Вдруг страшный удар молнии потряс скалу. С грохотом от нее откололись валуны и раскатились у подножия.

Когда-то на этом месте была большая глиняная гора. Со временем глина стала твердой как камень и под воздействием солнца, воды и ветра превратилась в скалу. И вот теперь – развалилась.

Буря не стихала. Валуны, обдуваемые ветром, постепенно изменяли внешний вид, а ветер продолжал без устали бить по ним, снимая и унося вдаль песок, который был лишним, потому что мешал превращать валуны в те образы, которые Кто-то задумал создать. Наконец ветер стих, и пошел сильный дождь.

Дождь лил стеной, придавая еще более причудливые формы кускам глины, отвалившимся от скалы.

Ручьи и ручейки, бегущие под валунами, обтачивали их со всех сторон и не давали прижаться к земле, не давали им уйти в землю или стать частью земли.

Закончил свою работу ветер, завершил свой труд дождь. Выглянуло солнце, рассыпая золото лучей на все, что оставили после себя добросовестные труженики.

Солнце смотрело на странную фигуру из глины и не могло ни с чем ее сравнить.

У фигуры этой были не лапы и не когти. У нее не было и шерсти. У нее были голова, ноги, руки и тонкая кожа.

Влажный ласковый ветер прошелестел над землей, и глиняная фигурка, лежащая на песке, почувствовала тепло солнечных лучей. Она пошевелила пальцами, согнула одну ногу в колене и засмеялась, – тихое дуновение ветерка принесло горсть песчинок. Они упали на голую грудь, фигурке стало щекотно. Она открыла глаза!.. И все вокруг замерло. Все стихло. На мир смотрел человек! Он встал на ноги, повернул голову в одну сторону, потом в другую, вздохнул и услышал, как в его груди стучит сердце.

– Храни его! – услышал человек тихий шелест листьев из гущи ветвей старого дерева.

В отдалении человек увидел много таких же, как он, творений. Они бегали, прыгали, прикасались друг к другу и смеялись. Кто-то опускал руку в ручей и наслаждался ощущением

ем прохлады, кто-то перекачивал в руке камни и удивлялся их приятной твердости, кто-то нежно гладил лепестки цветов, рассыпавшихся по земле после бури, кто-то царапал кору на старом дереве, кто-то прикреплял к волосам веточки, украшая себя, кто-то, пробуя голос, пытался напевать.

Человек, недавно еще бывший обломком глиняной скалы, направился к этим людям. Ему хотелось общаться. Он подошел совсем близко, но на него никто не обратил внимания. Каждый был занят собой.

Солнце, пройдя свой дневной путь, стало опускаться за горизонт. Вечер принес прохладу. Люди приблизились друг к другу, сбились в кучу, им стало теплее и, почувствовав, что это приятно, они засмеялись и стали прижиматься еще теснее.

– Каждый имей свою жену! – услышал человек шелест листьев в ветвях старого дерева.

– Нельзя жить всем вместе, – сказал человек новым товарищам. – Нужно, чтобы каждый нашел себе постоянную спутницу.

Люди перестали смеяться и сказали:

– Ты живи как хочешь, а нам не указывай.

– Но я слышал голос...

– Иди отсюда, не мешай нам радоваться. Голос он слышал! Мы сами говорить умеем.

Человек, опустив голову, пошел к остаткам скалы. За ним, отделившись от толпы, побежала женщина и позвала:

– Подожди меня! Я хочу быть как ты.

Эта пара поселилась в пещере.

Мужчина и женщина согревали друг друга, помогали сохранить красоту и здоровье, обогащали друг друга сознанием важности присутствия в этом мире.

Они научились добывать пищу шить одежду. Но самым важным для них было – слышать голос из ветвей старого дерева.

Люди, оставшиеся жить толпой, продолжали прыгать, веселиться и пробовать на вкус все съедобное и несъедобное. Они совершенно не дорожили друг другом, потому что им было все равно, с кем радоваться. Постепенно они начали терять прежнюю, задуманную Кем-то форму...

Доставляя друг другу страдания, эти существа все более и более стали походить на те валуны, которые когда-то отвалились от скалы.

Несколько человек, заметив перерождение, отделились от разлагающейся толпы и, вспомнив когда-то слышанные слова: «Нужно, чтобы каждый нашел себе постоянную спутницу», поселились в стороне, создав пары. Они строго следили за тем, чтобы никто даже взгляда не бросал на жену другого человека или на чужого мужа.

Постепенно вернув себе прежнюю силу, люди стали рождать себе подобных.

Это было прекрасно. Каждая появившаяся новая жизнь становилась настоящей радостью.

Детей баловали, вкусно кормили, красиво одевали. Ради них жили, им отдавали все. Но часто вещей, игрушек или лакомств не хватало.

– Мама, у той девочки коврик красивее!

– Папа, у того мальчика топорик острее!

Родители, желая успокоить своих детей, отбирали друг у друга то, что приглянулось детям.

– Не кради! – услышал человек голос из листвы старого дерева в тот момент, когда хотел отобрать у соседа красивую качал очку для своего сына.

Человек послушался сам и сказал другим:

– Голос велел не брать ничего чужого.

Эта весть дошла до очень недоброго жителя, который все, что имел, получил, отбирая у других. Прибежал он к человеку, слышавшему голос, и замахнулся на него палкой.

Его заслонил собой сосед, пришедший за советом, и упал от удара.

Все увидели кровь и, глядя на умирающего, кричали и плакали. А человек, слышавший голос, схватил топор и хотел ударить обидчика...

– Не убивай! – услышал он знакомый голос.

– Но как же так?! – стал возражать человек.

– Не убивай! – снова прозвучал голос, и человек уронил топор.

А недобрый человек, убивший своего соплеменника, сначала застыл на месте, потом стал каменеть и, наконец, пре-

вратился в прежнюю глыбу. Камнями стали и все его домашние.

Прочие же, послушные, становились все более красивыми, забота друг о друге их обогащала. Они старались оберегать друг друга от слез и страданий.

Взрослели дети, наученные строгим запретам не красть, не убивать, не прелюбодействовать.

Многим, не видевшим, какую опасность несут в себе эти пороки, было сложно заставлять себя соблюдать заповеди. Только страх исчезнуть или понести наказание заставлял соблюдать нормы морали.

– Ах, если бы ты была моей женой!

– И что было бы?

– Я бы тебя так любил!

– Как?

– Ты стала бы для меня всем!

– А как же твоя жена?

– Она не ценит меня и не понимает.

– Мой муж меня тоже не понимает. Просто пользуется мной, как вещью.

Скрестились руки, слились в поцелуе губы, сладостное, трепещущее и волнующее чувство захлестнуло их, и, уже не контролируя себя, эти двое наслаждались недозволенным, словно голодные хищники добычей...

Когда вернулось сознание, оба испугались.

– Ты должна была меня остановить, – сказал он.

– Ты не должен был на меня смотреть, – сказала она.

Оба ждали, что станет с ними дальше.

Через несколько дней у него появились мешки под глазами, а у нее – морщины вокруг губ.

Это стали замечать окружающие, и те, которые жили не по заповедям, начали прятаться.

Однажды, стирая белье в реке, женщина обратила внимание на глинистое дно и, достав немного глины, размяла ее пальцами, а потом, глядя в воду на свое отражение, она нанесла глину на кожу вокруг губ, и морщины стали незаметны.

Быстро прополоскав белье, женщина поспешила к своему любовнику и поделилась с ним своим открытием.

Любовник тоже замазал круги вокруг глаз и улыбнулся:

– Ты умная женщина. Я это сразу понял. Еще тогда...

И снова оба слились в объятиях, и снова унесло обоих сладостное волнующее чувство...

Дело в том, что со временем глиняные валуны настолько укрепились в человеческом обличье, настолько утвердились на земле как люди, что разрушение уже не происходило моментально... Расплывался облик, пропадал блеск в глазах и тускнел цвет лица, но не исчезал сам человек.

Заметив свойство глины, многие стали использовать ее для маскировки, не стараясь соблюдать нормы, объявленные когда-то, а дети, глядя на своих родителей, уже с малых лет

баловались так называемой косметикой, украшая себя и делая яркими губы, глаза и ногти на руках и ногах.

И таким образом люди постепенно смешивались с землей. Часто трудно было понять, где кончается грим и начинается лицо; где истинное здоровье, а где порок; где чистота, а где нечистоплотность.

– Не позволяй своим сыновьям жениться на дочерях! – услышал однажды человек, который был когда-то частью скалы и который старался всегда помнить о том, что он всего лишь творение.

Этот человек уехал и поселился далеко от остальных. Он старался быть послушным и учил детей своих быть послушными, и детей своих детей учил тому же.

Эта наука сохранения жизни передавалась из поколения в поколение.

Развиваясь и изучая законы природы, люди научились использовать многие явления. Из камней они строили города, а по трубам вода поступала прямо в дома.

Появились ветряные и водяные мельницы, создавались пароходы и паровозы.

Люди научились складывать стихи и сочинять мелодии.

Жизнь на земле, заселенной человеком, становилась прекраснее и богаче. Создавалось впечатление, что Кто-то невидимый вдохновляет людей и через них проводит Свои желания, реализует планы и замыслы.

– Для этого Я и создал вас, – сказал однажды голос, – что-

бы вы возвещали о Моем совершенстве. И кто добр, тому Я даю знание.

Чем старше становился человек, тем прекраснее и мужественнее выглядел. Все более уверенной была поступь, потому что с возрастом люди все более убеждались в справедливости требований своего Творца, все более доверяли Ему и любили Его.

Меньше произносилось слов о законе, больше и больше звучало слов о любви и преданности.

Везде, где поселялись люди, расцветала природа и преобразалась земля, потому что вместе с собой люди несли совершенство некогда Сотворившего их, а голос Его звучал уже не в листве деревьев, а в самой глубине сердца.

А где-то вдали люди, живущие по принципу «хочу – не хочу», разрушались и передавали болезненную склонность к разрушению своим детям.

Люди строили свою жизнь, прислушиваясь только к голосу своих желаний, стремясь лишь удовлетворить свои прихоти.

Прежних людей давно не стало, а повзрослевшие потомки даже и не слышали о моральных запретах.

Жизнь со всеми ее скорбями и страхами, со всей неустроенностью не радовала людей, и однажды отправились три мудреца искать счастье.

Каждый пошел своим путем, но все они после долгих блужданий пришли в ту самую землю, где жили счастливые люди.

– Они так хорошо живут, потому что у них развита наука, – сказал один из мудрецов, вернувшись на родину.

– Нет. Они счастливы оттого, что у них музыка и поэзия в почете! – сказал другой мудрец.

– Потому что в городах живут и за водой к реке не ходят! – сказал третий.

И тогда каждый из них решил организовать свою школу.

– Все дети должны учиться на одни пятерки! В знании – сила! – требовал первый и, не пытаясь понять, кто к какому

предмету способнее, вбивал в головы учеников химию, астрономию, физику и математику.

– Все дети должны владеть музыкальным инструментом, и лучше не одним! – требовал второй. – Пианино – в каждый дом! Учим стихи наизусть! В этом наше бессмертие!

– Благоустраиваем жилища! – скандировал третий. – Быт – залог здоровья и процветания.

Работа кипела. Творчество, техника, быт поднялись на высочайший уровень, но сердца все более оскудевали.

Все силы вкладывая в науку, быт и искусство, люди оставались растерянными и печальными. Они совсем не умели строить отношения и просто любить.

* * *

Один маленький мальчик, появившись на свет, улыбнулся всему миру.

Подрастая, он с восхищением рассматривал цветы и небо, слушал пение птиц и стрекотание кузнечиков.

Его родителям говорили:

– У вас очень глупый ребенок. Его не возьмут ни в одну из школ. У него совсем нет никаких стремлений и никаких целей.

– И у него нет надежды стать счастливым? – плакали родители.

Учителя пожимали плечами.

Все дети ходили в школу, а глупый мальчик гулял по лугам, спускался к реке, а по ночам слушал тишину.

Глупый мальчик начинал день с глупых вопросов:

– Что хорошо, а что плохо? Есть ли кто-нибудь сильнее и умнее человека? А можно ли жить так, чтобы не разрушаться и не превращаться в глину?

Не знали родные и соседи, что блаженны жаждущие правды, поэтому на вопросы мальчика никто не отвечал, над ним смеялись, его били палками и прогоняли со дворов.

Люди стыдились с ним здороваться и дом, в котором он жил, обходили стороной.

Повзрослевший мальчик, а звали его Ганс, вынужден был покинуть свою землю и отправиться куда глаза глядят – искать счастье.

Путь Ганса оказался сложным и опасным. Много раз появлялось желание все бросить.

Порой, когда приходилось преодолевать бурные потоки, перебираться через пропасти и карабкаться через горы, хотелось проклясть избранный путь и вернуться. Но что-то не позволяло Гансу отступать и заставляло идти вперед.

Это что-то называлось надеждой!

И когда Гансу в изнеможении хотелось лечь и умереть, надежда заставляла идти вперед.

Однажды, размышляя о том, каким же он был глупцом, покинув свой дом, и совсем уж было решив вернуться и умереть на своей земле, Ганс, преодолевая усталость, поднялся

на возвышенность и вдруг увидел в долине прекрасный город.

Город, в котором что ни дом – то дворец.

Вокруг каждого дворца – сады, вокруг самого города – зеленые поля, а в городе – ровные и чистые улицы.

Увидев эту красоту, Ганс горько заплакал, поняв, что уже никогда не сможет жить как прежде.

Ганс спустился в долину, и у самых ворот путь ему преградили стражники:

– С какой целью ты прибыл к нам?

– Я глупый Ганс. Пришел из далеких мест. А ищу я мудрость...

Удивительно, но стражники не засмеялись. Наоборот, они с почтением расступились, и Ганс вошел в город.

Весть о появлении в городе чужестранца разнеслась быстро. Дошла она и до правителя, который распорядился пригласить Ганса в свой дворец.

Ганс испугался. Он помылся, привел себя в порядок как мог и отправился на прием.

– Приветствую тебя, странник! – сказал правитель.

– И я приветствую вас, – ответил Ганс. Он увидел уставленный яствами стол и стеснительно улыбнулся, стараясь не показать, что голоден.

– Угощайся, чужеземец, и Расскажи мне о своей стране, – приглашая его жестом к столу, сказал правитель.

– Страна наша чудесная. У нас умные учителя. Они знают

все науки и учат этим наукам детей. У нас все умеют играть на музыкальных инструментах. Даже оркестры есть и театры.

– А злые у вас люди или добрые? – спросил правитель.

Ганс удивился. Ему никогда не приходилось задумываться над этим.

– Если вы знаете физику, математику, химию, астрономию и играете на музыкальном инструменте, то люди к вам добры.

– А как люди объединяются в семьи?

– Ну, если вы знаете физику, математику, химию и астрономию и играете на музыкальном инструменте, то семья организуется на основе хорошего мнения одного человека о другом и на пожеланиях долгой, счастливой жизни.

Правитель рассмеялся:

– Ну-ка, сыграй нам что-нибудь.

В зал внесли инструменты.

Ганс покраснел, опустил голову и тихо проговорил:

– Господин, я не умею.

– Так, ты же сказал...

– Господин, я здесь, перед вами, потому что меня не любят там, откуда я пришел.

– За то, что ты не умеешь играть на музыкальных инструментах?

– А еще за то, что ничего не понимаю в физике, математике, астрономии и химии, – добавил Ганс совсем тихо.

– Почему в вашей стране такие суровые требования?

– Требования не суровые, просто я бестолковый. Дело в том, что люди в моей земле очень несчастливы. Прожив определенное число лет, они становятся глиной. Простой, безжизненной глиной. Меня тоже ждет эта участь. И думают наши правители приобрести бессмертие через науку и искусство. Пока это никому не удавалось. А я, к тому же, такой бестолковый, что не мог усвоить ничего из музыки, искусства и науки. Тогда я решил хотя бы помочь моим землякам обрести бессмертие и отправился странствовать по свету, искать счастье. Я вижу, что в вашем городе все красиво и мудро устроено.

– Ганс, мы не хвалимся нашими достижениями и не ими живем. Все это только следствие нашего желания жить, соблюдая законы.

– Ну да, законы физики, математики, химии...

– Нет. Законы жизни. Если ты хочешь спасти людей в своей стране, ты должен блюсти себя и следовать закону.

С этими словами правитель хлопнул в ладоши, и слуги внесли в зал свиток.

– Ганс, возьми этот свиток. Когда-то очень давно я был простым куском глины, но, соблюдая законы, которые здесь записаны, стал человеком. Стал счастливым человеком.

Ганс был потрясен. Дрожащими руками он взял драгоценный свиток.

На следующий день Ганс отправился в обратный путь. Он спешил принести людям своей страны добрую весть.

Много дней шел Ганс, и чем ближе подходил к своей земле, тем сильнее билось его сердце. Он нес в руках спасение и счастье для всех.

Наконец показались стены родного города.

Ганс вошел в ворота и новыми глазами посмотрел вокруг. Город показался ему неприветливым и грязным, несмотря на благоустроенность. Он был построен по единому плану. Здесь все улицы были похожи и дома – одинаковые. Словно жили здесь не люди, каждый со своими вкусами и интересами, а хомячки в коробочках.

Ганс подбегал к людям и показывал свиток:

– Я знаю, как сохранить жизнь и здоровье! – говорил он.

Вокруг него собрались люди. Из толпы послышалось:

– Да это же Ганс! Он даже не умеет играть ни на одном музыкальном инструменте! Чего его слушать?

– Точно, это Ганс! Ты где пропадал столько времени?

– Я ходил искать спасение для всех нас, – радостно ответил Ганс.

– Лучше бы ты математикой занялся, неуч.

Все засмеялись и стали расходиться.

– Подождите, – кричал Ганс, – всем нужно покаяться!

Никто не слушал. Ганс, печально опустив голову, пошел к своему дому. Он написал на дощечке: «Школа счастья» и

прибил эту дощечку на входную дверь.

Хотя Ганс успел еще по дороге домой прочесть свиток, он снова и снова перечитывал драгоценный дар, стараясь глубже проникнуть в его суть.

То, что Ганс узнавал, потрясало своей доступностью, но и неизведанностью.

Ганс много дней взвешивал свои поступки и горько плакал, когда понимал, что они не соответствовали чаяниям и требованиям, записанным в свитке.

Однажды в дверь постучали. Ганс с заплаканными глазами открыл дверь. У входа стоял мужчина.

Увидев Ганса с красными от слез глазами, мужчина спросил:

– Это ты, что ли, учишь быть счастливым?

– Да, – ответил Ганс, всхлипнув.

– Ну, тогда прощай.

Ганс прожил в одиночестве много лет. Он изменился сам, и изменился мир вокруг него.

Ганс нес в себе радость. Он научился с трепетным почтением относиться ко всякому человеку, потому что узнал из свитка, что Некто вдохнул в каждого живого Свое дыхание.

За Гансом стали наблюдать. Было странным, что, будучи неучем и не соответствуя принятым стандартам и требованиям, человек этот излучал здоровье и покой.

Состарившиеся и пообтрепавшиеся учителя пришли однажды в дом к Гансу.

- Ганс, – сказали они, – что делать нам, чтобы спастись?
- Не прелюбодействуйте, не крадите, не убивайте.
- Тогда мы будем жить?
- Да. Это законы здоровья и безопасности.

В стране были объявлены все три требования. Теперь люди знали, что если они нарушат один из запретов, то начнут разрушаться. Те, кто уже оказался на пути к разрушению, должны были покаяться, исправиться, и тогда начиналось восстановление.

– Я не чувствую себя женщиной, если на меня никто не смотрит с вожделением, – плакала одна красотка.

– Я не чувствую себя мужчиной, если никто не пытается мне понравиться, – жаловался мужчина.

– Я не могу видеть, что у кого-то сумочка лучше, чем у меня.

– Я не могу спать спокойно, пока жив мой враг.

Психологи не успевали выслушивать приходящих к ним пациентов. В стране начались беспорядки...

Теперь все знали, что именно несет смерть и разрушение. Они не могли больше делать то, что хотели, и срывали раздражение друг на друге.

– Дорогая, – говорил муж своей жене, сжимая кулаки, – что подарить тебе на день рождения?

– Любимый, – отвечала жена, пытаясь улыбнуться, – ничего не надо. Не трать свои драгоценные деньги.

– Но ведь я тебя люблю. Ты моя жена.

– Да, и я тебя люблю. Ты мой муж.

Рассвирепевший муж ушел на работу. Раздраженная жена осталась дома с ребенком:

– Уберешь ты когда-нибудь свои игрушки? – закричала она сыну.

Ребенок принялся складывать игрушки и всхлипнул:

– Я должен слушаться своих родителей. Это закон.

Заглянула соседка:

– Ты видела, как ужасно выглядит продавщица в отделе тканей? Точно, она где-то закон преступила!

– Да ну?!

– А то!

– И муж у нее какой-то дряхлый. Видать, не все чисто...

Уходя, соседка пробубнила себе под нос:

– Да и ты неважно выглядишь, подружка...

Хозяйка дома закрыла дверь и сказала:

– И с тобой тоже что-то не так.

В стране наступил хаос. Люди разрушались еще быстрее и теперь уже не только внешне, но и изнутри.

Разъяренные учителя пришли в дом Ганса и набросились на него:

– Что же ты натворил? Еще хуже стало! Ты издеваешься над нами?

– Всегда знали, что тебя нельзя слушать.

Ганс улыбнулся и сказал:

– Попробуйте жить не ради себя, а ради ближнего. Не

ищите своего, но пользы другого.

– Как же это возможно?

– Прилепитесь к Тому, Кто нас создал, а не к своим желаниям и прихотям.

– Так где же Его найти?

– Прислушайтесь каждый к своему сердцу.

Наступила тишина. Где-то в глубине стучало сердце.

У каждого свое, и в каждом сердце слышался тихий голос, зовущий из тьмы к свету: «Придите ко Мне, и Я успокою вас».

Учителя ушли и скрылись в своих домах.

Никто не видел их слез, но все увидели, как расцвели сады вокруг домов, в которых они жили, и какими счастливыми глазами смотрели на них жены и дети.

– Так что же делать? – спросил молодой человек учителей.

– Не убивай, не кради, не прелюбодействуй, – сказали ласково учителя.

– Ради чего?

– Ради своего счастья! Поступай так, даже если это не принесет тебе счастья...

* * *

...Закончил свою работу ветер, закончил дождь. Выглянуло солнце, лаская золотом лучей странные гладко обточенные фигуры из глины.

Человек смотрел на мир!

Мышки

Глубоко под землей жили и устраивали для себя теплые, уютные гнездышки маленькие мышки.

Входы и выходы из норок были разбросаны по всему тропическому лесу, а длинные коридорчики тянулись к самому берегу Индийского океана.

Когда мышки укладывались в своих норках спать, они слышали шум прибоя.

Океан был огромным и пугающим, но именно поэтому необыкновенно притягательным. Мышки мечтали увидеть океан, но его закрывали высоченные тропические деревья.

Любопытный мышонок по имени Маус однажды забрался на самое высокое дерево. Как он ни всматривался вдаль, пытаясь увидеть океан, ничего не мог разглядеть сквозь листья.

Обдирая брюшко, расстроенный мышонок стал спускаться вниз. Он так боялся свалиться, что совсем не смотрел вверх и не заметил, что над ним кружится большая птица. Это был сокол.

Сокол изловчился, схватил мышонка за шкурку и поднялся с ним ввысь.

– Ой-ой-ой, – запищал мышонок Маус, – ой-ой, что же теперь будет?!

Сокол удивился и спросил:

– А что будет?

При этом клюв разомкнулся, и мышонок, падая, прокричал:

– А то, что я никогда не узнаю, какой он, океан...

И тут, летя вниз, увидел мышонок ОКЕАН! Огромный, глубокий, синий-синий!

– Он огро-о-омный, – кричал мышонок на весь тропический лес, – си-и-иний! – и, ударившись головой о траву, потерял сознание.

Очнулся мышонок в своей теплой норке. Над собой он увидел маму и улыбнулся:

– Мама, океан огромный, и он синий!

– Я слышала, малыш. Все это слышали. Ты герой!

Все мышки учились в школе.

В школе мышки изучали такие предметы, как маскировка, запутывание следов, защита при нападении, и всем мышкам теперь рассказывали еще и про океан, что он огромный и синий.

Шло время, Маус состарился и ослаб, но продолжал вдохновлять своих учеников и последователей рассказами о синем океане, и мышки мечтали тоже когда-нибудь увидеть океан своими глазами.

Однажды ученики Мауса построили из кокосового ореха кораблик. Этот кораблик при помощи специального приспособления прикрепили к листьям наклонившейся когда-то в шторм до самой земли пальмы и скатили его на берег.

Когда кокосовый кораблик скатился к самой воде, мышки выглянули из орешка и увидели огромный ОКЕАН! Зеленый...

Сначала все решили, что это им кажется, потому что они

сильно ушиблись, когда свалились на землю с пальмы, но оказалось, что океан действительно был зеленым, как трава.

Когда исследователи вернулись домой и сообщили всем, что океан зеленый, как трава, им не поверили.

– Вы просто умничаете. Вы бунтовщики! Вы хотите унижить учителя! – кричали мышки со всех сторон с презрением.

Сам Маус тихо проговорил:

– Я готов умереть за истину! Я видел своими глазами, что океан синий. Он абсолютно синий!

Тех, кто поверил путешественникам, стали называть «зелеными», а тех, кто остался верным школе Мауса, называли «синими».

Самое печальное – что школы враждовали между собой. Дошло до того, что пришлось все мышьеиное царство разделить на две части: синюю и зеленую.

Однажды, во время сильного дождя, затопило одну из нор, и ее жильцам пришлось спешно выбираться наружу.

Целое семейство мышей оказалось под открытым небом.

Спасаясь от воды, мыши вскарабкались на холм.

Был вечер. Огромное красное солнце уходило за горизонт. Под тяжелыми струями дождя листья на тропических деревьях наклонились, и с холма мышки увидели огромный ОКЕАН! Красный...

В глубоком молчании и в полной растерянности мышки стояли, прижимаясь друг к другу, но необходимо было ис-

кать укрытие, и они разбежались в поисках сухих норок.

Эти мышки никому не говорили о своем открытии. Они боялись, что их выгонят. Так «красные» мыши ушли в подполье.

Однажды в норку к мышкам случайно попал червячок, который умел говорить по-мышиному.

– Ты откуда взялся? – спросили его мышки.

– Сам не понимаю. Я живу, вообще-то, у самой кромки воды, на берегу огромного океана.

– Прямо у самого синего океана? – восхищенно спросил один мышонок.

– Прямо у самого зеленого океана? – крикнул сердито другой мышонок.

«Красные» мышки многозначительно молчали.

Червячок долго изумленно смотрел на мышей, потом спросил:

– Откуда вы набрались такой ереси?

Мыши непонимающе молчали.

– Океан абсолютно белый! – твердо заявил червячок.

Дело в том, что червячок выползал на поверхность земли только в полнолуние.

Мыши были в полной растерянности. Все это было не смешно.

– Я предлагаю, – сказал один мышонок, – взять кусочек океана во что-нибудь и принести в норку!

Но в чем?

Пообещав никогда не разорять их гнезда, мышки упростили паучков сплести плотный мешок.

Паучки трудились добросовестно, и, когда плотный мешок был готов, мышки уложили его в кокосовый кораблик и отправились к океану.

Вы, наверное, хотите узнать к какому? К черному. На небе собралась огромная туча.

Отважных мышек это не испугало. Они, оказавшись у океана, наполнили водой мешок, втащили его на корабль и доставили в норку.

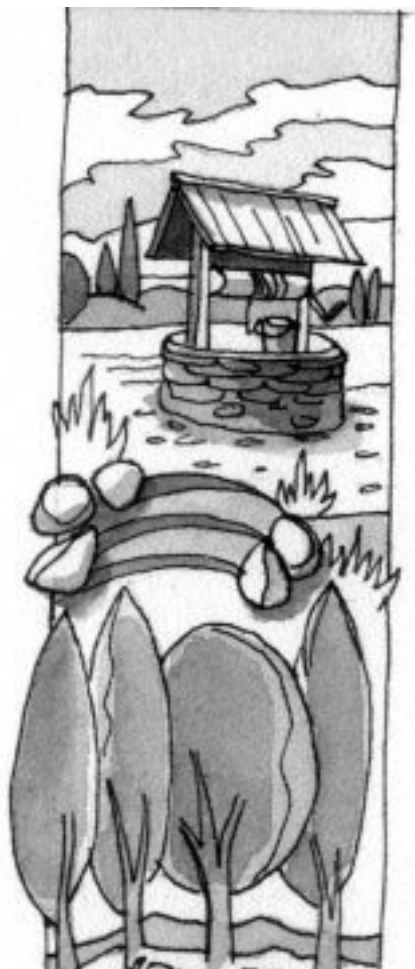
Каково же было всеобщее разочарование, когда «синие», «зеленые» и «красные» мышки увидели в мешке абсолютно прозрачную воду, ничем не отличающуюся по цвету от дождевой!

Растерянные мышки расходились по своим гнездышкам. Там, засыпая, они слышали шум океана, который больше не привлекал и не интересовал их.

А океан не уставал восхищать и радовать необъяснимостью тех, кто любил его в разное время суток, в разное время года, в шторм и штиль.

Огромный океан, который разбивал волны о камни и мирно плескался в бухте, играл с дельфинами и убаюкивал икринки разноцветных рыбок, – ОКЕАН продолжал жить своей жизнью.

Живая вода

В дальних краях, в неведомых далях, недалеко от села Сетово, в труднопроходимом лесу находился колодец с живой водой.

Как появился он в этих краях? Помнили старцы и рассказывали молодым, что очень давно из дальних мест, где солнце восходит над землей, пришел странник и поселился прямо в лесу. Он и выкопал этот чудесный колодец.

Отчего вода в нем стала живой, для всех осталось тайной.

Жители села Сетово отличались крепким здоровьем, долголетием и мужеством. А еще, невозможно было противостоять им ни в каком споре. Каждый был силен в убеждении.

Все жители села добрым словом вспоминали давнего поселенца, оставившего им бесценный дар. Нужно сказать, что пить воду можно было только возле самого колодца. С собой в ведре не возьмешь – терялся живительный дар.

Трудно поверить, но там же в лесу находился колодец с мертвой водой, и по указанию, оставленному странником, прежде чем испить живой воды, необходимо было сначала испить воды мертвой.

Почему? Потому что живая вода животворила все – и доброе, и худое, а после глотка мертвой воды живая вода воскрешала только чистые намерения и только добрые порывы.

Колодец с мертвой водой все обходили стороной, и он зарос травой. Пили сразу живую воду.

Село Сетово небольшое, но добротно отстроенное. Жителей в нем человек триста, не больше.

На дворе Игната всегда порядок. Все домашние следили за чистотой и вышколены были так, что лишней песчинки во дворе не отыскать.

Стоял Игнат и любовался только что выкрашенным домом. Потом позвал жену:

– Полина! Иди-ка, посмотри, как дом смотрится.

– Да я ж видела, – прокричала жена из коровника.

– А ты еще посмотри. Иди, иди сюда, корова подождет.

Полина поднялась с табуретки, подставленной к корове, отодвинула ведро и, вытирая о передник руки, вышла из коровника.

– Хорош, хорош, – сказала она, взглянув на дом, и собралась снова отправиться в хлев.

– Что ты спешешь? Постоять с мужем не хочешь? Посмотри, похвали.

Полина, чуть не плача, сказала:

– Корову я дою.

– А и ступай к своей корове, раз она тебе дороже меня и всего, что я для тебя делаю.

Игнат двинулся к дому. Полина, расстроенная, опустив голову пошла в хлев. Корова с норовом, к ней просто так не подойдешь. Она сердито замычала.

Полина стала уговаривать корову, погладила ее по спине, села на табуретку и, подставив ведро, принялась доить.

– Стой смирно, Манька, ты у меня умница.

Прошло полчаса.

– Полина! – позвал Игнат и вошел в коровник.

– Ты что, еще не закончила? – удивился он. – Ну ты даешь!

С коровой управиться не можешь. У тебя там рагу на плите не переварится?

– Рагу не переварится, – ответила Полина, чуть не плача, потому что Манька начала нервно дергать ногой и вертеть мордой.

– Ты сразу за несколько дел хватаешься и ничего не успеваешь. Я пойду посмотрю, не попало ли в сети что, а насчет рагу предупредил, так что сама за ним теперь смотри.

Во двор с шумом вбежали дети Игната и Полины, два мальчика-близнеца шести лет. У них из-под ног шарахнулись куры. Разлетелись по всему двору.

– Смотри, дети-то какие чумадые! Как корову подоишь, отмой их, а то перед соседями стыдно.

Высказав замечания, Игнат ушел на реку, а вернувшись, потряс перед Полиной связкой лещей:

– Почисти да пожарь к ужину. Поешь хоть свеженькой рыбки. Для тебя все стараюсь.

Полина отставила в сторону маслобойку, в которую только что залила снятые с молока сливки, и занялась рыбой.

Начистив и пожарив, выставила рыбу на стол.

– Умаялся я сегодня, – с набитым ртом сказал Игнат, – хочется на чистую постельку лечь. Ты уж поменяй белье.

– Я ж три дня, как меняла, Игнат! – чуть не расплакалась Полина.

– Твое дело слушать, а не говорить! Кто в доме глава? – резко прервал Игнат.

Постелив чистое белье, Полина принялась отмывать чугунки и сковородки. Закончив, она в полном изнеможении наконец улеглась на высокую кровать и с наслаждением вытянулась на мягкой перине. Игнат проснулся и, почувствовав пружинистое тело жены, раздраженно прошептал:

– Отодвинься от меня. Мне отдохнуть нужно. С утра к колодцу иду.

Полина не слышала слов мужа. Она заснула, как только коснулась головой подушки.

– Это не женщина, а просто похоть ходячая, – пробормотал Игнат.

Рано утром Игнат разбудил Полину:

– Иди, проводи меня до калитки.

На улице было туманно и сыро. Полина, съежившись под пуховым платком, стояла на крыльце. Спускаться на траву, покрытую холодной росой, не хотелось.

Игнат поцеловал жену и ушел. Полина должна была смотреть ему вслед.

Когда Игнат скрылся из вида, Полина вернулась в дом.

От колодца Игнат вернулся к полудню. Полина уже приготовила обед, намыла полы в доме и позанималась с детьми математикой и письмом.

– Корми мужа! – весело скомандовал Игнат.

К столу подбежали ребятишки.

– А вы потом поедите. Видите, отец устал. Ты, Полина, распустила их совсем. Порядка не знают, – сказал Игнат, усаживаясь за стол.

– Детям с тобой за столом побыть хочется...

– Детям отца нужно научиться слушаться!

В окно постучали. Полина подошла посмотреть, кто это. Во дворе стоял Филька, сосед.

Полина махнула ему рукой, чтоб заходил.

– Здоровы будьте, – весело сказал Филька хозяевам, тряхнув кудрями. – Игнат, дай мне лошадь в город съездить. Настька моя вышивать-то стала, а ей алых ниток не хватило.

Игнат, уронив с ложки выловленную из супа фрикадельку, воскликнул:

– Ты что, из-за каких-то ниток в город поедешь?

– А что ж делать-то? Полин, может, у тебя есть такие нитки?

– Нет, Филипп, мне нет времени вышивать.

– Ну так что, Игнат, лошадь дашь?

– Ты, Филька, подкаблучник. Смотреть на тебя стыдно. Это ж из-за каких-то бабьих капризов в город тащиться!

Филипп возмутился:

– Тебе лошадь жалко?

– Не в лошади дело. Дело в принципе. Если б тебе в поле надо было поехать или хлеба съездить купить – другое дело, но чтобы из-за алых ниток?! Филька, ты что? Ты мужик, аль кто?

– По-твоему, если я мужик, то Настьку должен в город отправлять?

– Без ниток она обойдется, а купишь как-нибудь по пути, когда в городе будешь.

Филипп развернулся и вышел.

Полина выглянула в окно и увидела, как Филипп что-то объясняет расстроенной Насте.

– И что же ты, Игнат, лошадь не дал Филиппу? – спросила Полина.

Игнат удивленно уставился на жену:

– Моя лошадь! Он из-за своей Настьки не то что на лошадь, на козу не может заработать. Все при ней держится. Вот и пусть знает.

– Любит он ее, – вздохнула Полина.

– Если б любил, заработал бы и на лошадь, и на корову для жены-то любимой.

– Так с ней он быть хочет и работой загружать боится.

– Ну, давай и я работать не стану и рядом с тобой сяду. Посмотрим, не наскучит ли? А кушать что станем потом?

– Да, ты-то, если рядом сядешь, меня совсем измучаешь. Тебе то поджарь, то постели, то проводи. Филька-то, небось, ласковые слова, дома сидючи, говорит. Им обоим и без работы не скучно.

– Настьке позавидовала?!

– Да не Настьке я позавидовала, а не хочу против них говорить ничего. Лошадь надо было дать Фильке! Вот!

У Игната округлились глаза. Он шумно задышал, потом схватил кепку и выскочил из дома. Полина высунулась в окно и крикнула:

– Игнат, ты куда?

Игнат, не обернувшись, вышел со двора и зашагал в сторону леса. Никогда еще не чувствовал он такой необходимости в живой воде. Ему нужно было немедленно пополнить запас сил и мужества, чтобы доказать свою правоту!

– Это же надо! – бормотал он себе под нос. – Для нее все делаешь, так еще и не хорош остался.

От обиды хотелось разрыдаться. Но только какой же он будет мужчина, если плакать начнет?

Яркое солнце, добросовестно пронизывая лучами каждый листок и каждую травинку, не могло победить тень.

Сражаясь с темнотой, солнце словно стремилось сжечь траву. Подул ветерок, и трава закачалась, листья зашевелились и зашелестели, прося пощады.

Солнце, словно очнувшись, увидело жизнь, которую должно было согревать, а не уничтожать, ослабило лучи и улыбнулось нежно, с благодарностью за напоминание.

И всякая самая примитивная жизнь имела право голоса в этом огромном мире и имела право сражаться за свое сохранение. И никто не имел права судить желание живого жить.

Пройдя километра три, Игнату захотелось пить. Он шел все медленнее.

Потеряв мир в душе, Игнат не заметил, что сбился с пути.

Спотыкаясь о коряги и путаясь в высокой траве, Игнат ударился обо что-то твердое бедром, не удержался на ногах, упал сначала на колени, потом плюхнулся лицом в воду...

– Вода! Вода?

Игнат, не поднимаясь, принялся пить. Он фыркал, тряс головой. Никогда прежде вода не казалась ему такой вкусной.

Наконец, напившись, Игнат встал на ноги и, отчего-то почувствовав слабость во всем теле, замертво рухнул в траву.

Дело в том, что пил Игнат из заброшенного всеми колодца с мертвой водой.

Не умер сам Игнат, а умерли все укоренившиеся в нем убеждения, которыми жил он и которые им двигали.

Пролежал Игнат без движения три дня и три ночи, а когда открыл глаза, прошептал:

– Пить.

Встав на четвереньки, Игнат, не поняв в чем дело, снова прильнул к колодцу, снова напился и снова рухнул без движения. Пролежав до самого вечера, очнулся и увидел над собой звезды.

Игнат очень удивился, но почему-то не испугался. Он поднялся на ноги, подошел к колодцу, испил водицы и, вытерев рукавом подбородок, попытался определить, где находится.

Невдалеке Игнат увидел странное сияние и пошел на этот свет. Оказалось, что светился колодец с живой водой!

В самой воде отражалось небо, но не ночное, а ясное го-

лубое небо, и там, в колодце, всеми семью цветами переливалась радуга. Никогда раньше не видел Игнат живую воду такой.

Руки Игната сами потянулись к воде. По воде разошлись ровные круги и зазвучала музыка.

Игнат слушал музыку и плакал. Он бережно зачерпнул воды и стал пить. Постепенно, с каждым глотком, прояснялись мысли и появлялись ответы на все вопросы, а вместе с этим выправлялась кривизна души.

Игнат медленно отошел от колодца и направился в сторону своего дома.

Выйдя к полю, Игнат случайно спугнул чибиса, который, взлетев с гнезда, стал кружить над дорогой и над краем поля, отвлекая от гнезда Игната.

Игнат рассмеялся:

– Ты не бойся, чибис, я не трону твоих птенцов.

Чибис летал, расправив сильные крылья. Игнат представил, как где-то в траве сидят взъерошенные, неоперившиеся птенцы.

– Вот ведь, ответственность какая, – думал Игнат, – это ж нужно птенцов на крыло поднять!

– Игнат! А где ты пропал? – услышал он.

Это был пастух Иван, который возвращался из совхозной овчарни.

– Полина твоя извелась вся. Решила, что ты помер. Мы тебя три дня искали. Вот ведь, радость какая, что живой!

– Да, чем упрямее за свою дурноту держишься, тем смертельнее. Иной раз мир под себя повернуть хочется, – сказал Игнат больше себе, чем Ивану.

– А о чем задумался-то? – спросил простодушно Иван, пропустив мимо ушей непонятную реплику Игната.

– Да вот, думаю, как сложно вырастить взрослую птицу.

– А чего там сложного? – рассмеялся пастух, – пусть за отцом повторяет, учится крыльями махать.

– Не в этом дело. Мы-то детей своих все торопим, перьев от них ждем там, где еще пух. А перья-то ведь не втыкаются. Они изнутри растут. Детей взрастить, вырастить нужно. Чтобы и смелость, и стойкость, и мудрость житейская изнутри исходила, а не нами наторкана была. Чтобы стала частью тела и тогда... Крылья расправил и полетел... Изучать законы надо, а не птенца. Мне отец жесткие правила оставил. Вникать нужно и в закон, и в птенца, чтобы едиными стали, чтобы законы жили и действовали не над птенцом, а в птенце. Тогда закон защитит его, как корабль на море. Море оно сильное, а корабль в нем не тонет. А самолеты? Ты смотри, какой ум нужен, чтоб самолет в небе удержался! А птице-то и думать об этом не надобно. В ней это все. Законы эти...

– Станный ты, Игнат, я тебя бояться начинаю, а пропал-то где?

– Сам не знаю, знаю только, что другим вернулся.

– А это хорошо?

– Что вернулся?

– Что «другим».

– Еще не понял, только чувствую, что выздоравливаю.

– А ты болел?

– Да, Иван, смертельно.

– А теперь как?

– Теперь я умер.

Иван уставился на Игната и перекрестился, а Игнат рас-
смеялся и сказал:

– Мое «я» умерло.

– Так что ж за болезнь-то была?

– Страсть менять всех и всех перевоспитывать. Очень тя-
желое заболевание. Настоящее бремя. Непосильное.

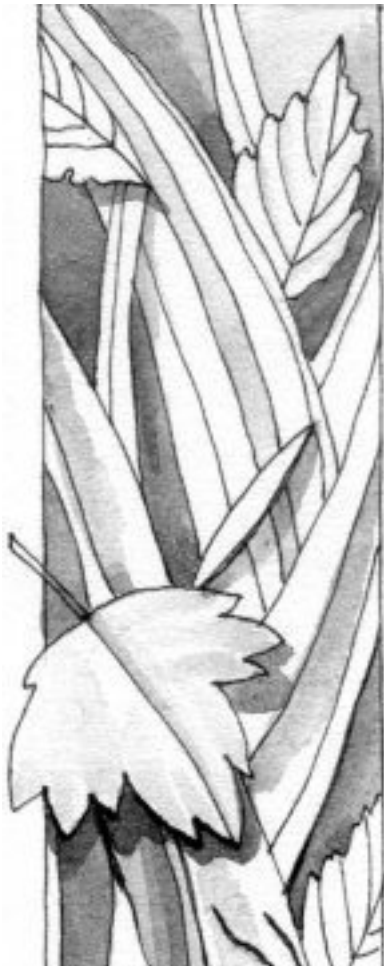
– А теперь что?

– Теперь сердце мое для людей открылось, Иван!

Иван вздрогнул и отшатнулся от Игната.

– Иван! – добавил Игнат, – колодец-то с мертвой водой
мы зря забросили. Протоптать к нему дорожку надо.

Муравейник

Над лесом поднялось солнце. Жители огромного муравейника засуетились. Нужно было успеть сделать много дел.

Руководил организацией и реализацией ежедневных планов самый старый и опытный муравей, которого все звали Вожаком. Много раз, благодаря ему, муравьи спасались от гибели, а муравейник сохранялся от разрушений.

Сегодня с самого утра Вожак почувствовал слабость во всех лапках и созвал муравьев в главный зал.

– Друзья мои! – голос Вожака дрожал, – я прожил долгую жизнь. Старался быть справедливым и хочу сказать вам важную вещь. Не ссорьтесь, берегите друг друга, бойтесь обижать и притеснять, потому что Бог есть.

Вожак закончил говорить совсем тихо и умер. Маленький муравьишка, который стоял рядом, едва расслышал его слова.

Муравьи зашумели.

– Конечно, Бог есть, и Он обязательно накажет того, кто украл у меня альбом с фантиками от конфет.

– Да-да, и разберется с тем, кто меня вчера с лестницы толкнул.

– А помнишь, ты мне в прошлом году дверь не открыл, когда я один соломинку тащил тяжелую?!

– А ты съел комара, которого мы вместе с болота притащили!

Маленький муравьишка пытался всем что-то сказать, но на него никто не обращал внимания. Все забыли о работе, о

детях, о надвигающейся осени. Толпа ссорившихся муравьев переместилась на самую вершину муравейника.

Неожиданно пошел сильный дождь и залил шумную толпу. Муравьишку подхватило струей воды и понесло далеко от муравейника.

От страха муравьишка потерял сознание, а когда очнулся, увидел вокруг себя незнакомую ему поляну. Он закрыл глаза и заплакал. Он не знал, в какую сторону идти. Вдруг кто-то коснулся его усика.

Муравьишка вздрогнул и увидел перед собой маленькую муравью.

– Откуда ты? – спросил ее муравьишка.

– Шел сильный дождь, я не успела добежать до своего дома, а теперь не могу найти дорогу. Все так изменилось после дождя.

– Послушай, – вытер слезы муравьишка, – давай построим свой муравейник!

Муравьишке выбирать было не из чего, и они вдвоем приступили к работе. Уже к вечеру под высокой сосной появилась горстка сосновых иголок. В этой хибарке муравьишка с муравьихой переночевали, а наутро снова принялись за работу.

Через несколько дней к ним присоединились другие муравьи, по какой-либо причине оставшиеся без крова над головой.

Все включались в работу и усердно строили дом.

Однажды муравьишка увидел с дерева, на которое залез в поисках чего-нибудь съестного, что в сторону их поляны идет медведь.

Муравьишка быстро спустился и скомандовал всем немедленно покинуть муравейник.

Был слышен треск веток под медвежьими лапами. Муравьи сбились в кучку, а муравьишка прошептал:

– Мы погибли...

День был жаркий. Недалеко от муравейника загорелся сухой лист, когда-то упавший с дерева. От него занялась трава вокруг.

Медведь, от жары совсем рассвирепевший, почувствовал запах дыма и резко остановился. В глазах рябило, в носу щекотало и щипало.

Медведь кинулся обратно в чащу.

Загоревшуюся траву муравьи быстро потушили, а вечером весело отпраздновали свое спасение.

– Ты настоящий герой! – кричали муравьи, с восхищением глядя на муравьишку.

– Так ведь я ничего и не сделал. Мне самому не понятно, как все произошло.

– Что бы там ни было и как бы там ни было, только мы не ошиблись, оставшись с тобой!

В дверь муравейника кто-то постучался. Это оказался старый хромой муравей из муравейника, в котором когда-то жил муравьишка-герой.

Гостя встретили приветливо и усадили за стол.

– Как ты забрел к нам? – спросил муравьишка.

– Дело в том, – сказал пришелец грустно, – что дела у нас в муравейнике совсем плохи. Я пошел искать помощь и набрел на ваш дом. Ваш муравейник в порядке, и вы все такие дружные, а у нас полный развал. Мы совсем не готовы к зиме. Помогите нам.

На следующий день рано утром муравьишка вместе с гостем отправился в путь к старому муравейнику. Дошли они до него только к вечеру.

Муравьишка чуть не заплакал, увидев горы мусора, полуразвалившиеся стены, а в самом муравейнике пустые кладовые.

Жители муравейника разделились на группки.

Муравьишка отправился в главный зал и ударил в колокол. Все муравьи стали собираться сюда.

Муравьишка объявил:

– Друзья мои! Я давно хотел сказать вам то, что слышал от Вожака в день его смерти. Я стоял рядом с ним и слышал все слова. Вожак сказал: «Бог есть любовь!»

В зале наступила глубокая тишина. Потом раздался чей-то голос:

– Так что, Он и меня любит? А ведь я альбом с обертками от конфет украл...

Кто-то сказал:

– Извини меня, пожалуйста, за то, что я дверь тебе не от-

крыл, когда ты соломинку нес.

– Да ладно, ты же с краской возился...

– Ты знаешь, – сказал кто-то кому-то, – я так долго обижался на тебя за комара, которого ты съел. – Извини меня...

– Это ты извини меня...

Рано утром все словно по команде вернулись к своим обязанностям.

Нужно было проветрить помещения, погулять с детьми, отремонтировать перегородки.

Муравьишка распрощался со старыми друзьями и отправился в обратный путь.

Над ним ярко светило огромное солнце, оно согревало землю и дарило свои лучи всему живому.

Луч

Преодолевая немислимые расстояния, пронизывая космические пространства и не вписываясь ни в какие временные единицы, луч солнца ворвался в плотные слои атмосферы планеты Земля.

Ему дан был один день жизни, и за этот подаренный день луч хотел успеть как можно больше. Он хотел насладиться всеми земными радостями.

Луч метался по земле, хватаясь за все сразу. Он щекотал носы работающим в поле крестьянам и заставлял их щуриться, а потом смеялся над ними, когда они смешно чихали.

Луч скользил по листьям деревьев, освещая букашек, прячущихся от птиц. Букашки в страхе разбегались, и это было очень забавно.

Луч солнца скользил по водной глади озера, обнаруживая рыбешек, забившихся под камни от хищников.

Всю свою энергию луч так и растратил бы на баловство, но в полдень поднялось высоко над землей огромное, грозное и совсем не беззаботное солнце. Оно мгновенно отыскало каждый луч, отправленный им. Под взглядом всевидящего, луч вытянулся в струнку, собрался и с трепетом принялся искать свое призвание.

Сначала луч увидел своего брата, просушивающего скошенное для скота сено.

– Вот мое предназначение! – прошептал луч и присоединился к брату-близнецу.

Он сосредоточился, изобразил серьезность и занялся про-

сушкой.

Через несколько мгновений лучик заметил в куче сена лягушонка.

Лягушонок забавно перебирал лапками, волочил толстое брюшко по сему и испуганно таращил глазки.

Лучик погладил лягушонка по спинке.

– Ты чем занят? – раздался голос брата-луча.

Луч, полный раскаяния, снова сосредоточился на просушке. Он старался быть серьезным, насколько мог, но прилетела стрекоза, и луч залюбовался, запутался в ее хрустальных крылышках. На такую красоту он мог смотреть вечно.

– Ты снова не при деле! – возмутился луч-трудыга. – Иди отсюда, бездельник, и меня не отвлекай!

Луч, стараясь спрятаться от пронизывающего взгляда палящего солнца, увидел другой луч, который прогревал землю на грядках, и присоединился к нему. Почувствовав свою значимость, захотел он, чтобы солнце заметило и оценило его.

Луч забрался на макушку подсолнуха. Через некоторое время подсолнух опустил голову и заплакал.

– Ты что это делаешь?! – закричал луч, прогревавший землю на грядках, – ты же высушишь его!

– Так ведь можно и сушить. Вон, тот луч просушкой как раз занимается...

– Какой же ты бестолковый! Время сушить и время согревать, время будить ото сна и время склонять ко сну. Иди

лучше отсюда!

На небе сияло грозное всевидящее солнце, и наш луч, стараясь быть незаметным, проскользнул в детскую пластмассовую леечку с водой и спрятался в ней.

Леечку эту несла в руке маленькая девочка.

Бабушка рассказывала ей, что когда-то далеко-далеко, на окраине деревни, цвели удивительные цветы. Но наступила лютая зима, и цветы вымерзли.

Девочка каждый день поливала из лейки холмик, на котором когда-то росли эти цветы. Все жители в деревне смеялись над девочкой и над бабушкой, рассказывающей небылицы, и называли их юродивыми.

Луч солнца раскачивался в воде при каждом шаге девочки, а когда лейка наклонилась и вода полилась из носика, лучик вместе с водой проник в почву и, понимая, что это его последние мгновения, все тепло и всю свою энергию отдал маленьким корешкам, со стыдом поняв, что так и не смог ничего великого совершить за свой короткий век, который закончился гораздо раньше, чем подаренный ему день.

Проходили дни за днями, приходила с лейкой маленькая девочка, смеялись над девочкой и ее бабушкой сельчане, но однажды из-под земли поднялись и распустились необыкновенной красоты цветы. И все злопыхатели умолкли.

Лепестки этих цветов светились в темноте и дарили людям искорки луча-озорника.

Океан

Вода, прогретая солнцем, переливалась, перекатывалась волнами и определяла свои возможности.

Ее возможности были ограничены, но вода не желала мириться с таким положением вещей. Ей хотелось быть везде, стать частью всего.

Прогретый воздух наполнился испарениями, и сильный ветер понес воды океана к берегу.

Вода хотела стать частью всех, кто мог бы, появившись на Земле, передвигаться, мыслить, творить.

Океан, переполненный нежностью, сконцентрировал все самые благородные качества своего характера и, умирив свою стихию, замер, представив в мыслях воплощение своей мечты.

Это было слишком прекрасно, чтобы стать правдой, и все же океан решил действовать.

А ветер, оказавшись не просто свидетелем, но и некоей составляющей смелого плана, возникшего в воображении океана, проникнув в будущее, закружился на одном месте, пронзительно свистнув.

Получив от океана мощь и силу, почувствовав себя властным и великим, ветер решил сам управлять великими водами.

Поток ветра поднялся выше облаков, постепенно превра-

щаяся в смерч, – плотный, черный стержень в форме всепоглощающей воронки.

Смерч с хохотом помчался к суше.

На суше смерч стал кружиться, но вместо того, чтобы соединиться с чем-нибудь, он только сокрушал и разрушал.

Он не был способен творить и созидать. Он не был способен любить и жертвовать.

Поздно ночью смерч вернулся к океану и, собрав все свои силы, принялся злобно гнать волну к берегу. Вода, соединившись с песком или глиной, сможет дать жизнь неживому.

Смерч не боялся. Он знал, что ничто не может вывести океан из состояния равновесия.

– Ты ведь само совершенство! – подзадоривал смерч, – попробуй, уничтожь меня, и все узнают, что не такой уж ты и ласковый!

Воды океана бурлили, увлекаемые смерчем.

– Ну, добрый океан, – выл смерч, – чего ты ждешь? Усмири меня, попробуй! Ты хотел быть повсюду? Я помогу тебе! Унесу тебя в такие дали, которые тебе и не снились! Со мной ты сможешь все!

Океан молчал. В самой его глубине стонало от тоски и боли огромное сердце.

Океан мог уничтожить смерч, утопив его в водах, но он не имел права принять обратно в себя этот возмущившийся дух.

Смерч не должен быть частью океана.

Над землей поднялось солнце.

Солнце, послушное законам, установленным для него, согрело землю своими лучами и, увидев волнующийся океан, остановилось над ним.

— Не нарушай закон! Двигайся дальше, делай, что тебе положено! — хохотал смерч.

Солнце, впервые забыв обо всех правилах, остановилось. Жаркие лучи иссушили крутящуюся воронку.

Смерч потерял свой вес и силу. Он перестал смеяться и замер над поверхностью океана.

В смерче больше не было даже небольшой частицы океана.

Океан молчал, и поверхность его была гладкой.

Смерч скользнул к берегу. Он вертелся в скалах, набирая вихревые потоки, и наконец ринулся над землей, собирая по пути пыль, сухие листья и солому. Смерч не мог вернуться в океан, но он мог противостоять ему, он мог вмешаться и даже разрушить его планы.

Океан долгое время оставался неподвижным. Он боялся.

Океан, безбрежный, мощный и неуправляемый, — боялся.

Боялся за тех, кому решил дать жизнь.

Прошло много времени, и наконец снова поднялись волны и помчались к берегу, пропитывая иссохшие камни и песок.

У океана был готов план.

План спасения всего живого.

Волны омывали песок. Они накатывались на него и приглаживали. На песке появились очертания, некий образ.

За действиями воды подглядывал смерч. Он притаился до времени, а когда увидел, что песчаная фигура вот-вот оживет, ринулся на берег, подняв столб пыли.

Волны, встав стеной, преградили путь буйствующему ветру, и за этой стеной воды произошло таинство, которое не дано никому ни понять, ни разгадать. К таинству этому невозможно ни приблизиться, ни прикоснуться...

Океан любовался своим созданием, своим творением. А создание вдыхало полной грудью влажный воздух.

– Плохо одному, – вздохнул океан, и на следующий день на берегу стояли ОН и ОНА, две половинки одного целого: того самого, задуманного, выстраданного и так нежно любимого им – ЧЕЛОВЕКА. Впервые океан смеялся. Смеялся чистым детским смехом, играя с отражением тех, которые несли в себе его часть, его самую лучшую часть.

Смерч не дремал. Он метался по земле и однажды, свившись клубком в ветвях огромного дерева, притаился.

ОНА, проходя мимо дерева, услышала шипение.

ОНА не знала, что такое страх, – не было причин чего-нибудь бояться, – и подошла поближе.

Свившийся клубком, смерч выглянул из ветвей и растя-

нулся в приветливой улыбке, расположив ЕЕ к себе.

Внутри НЕЕ что-то тихо всплеснулось, разлилось нежностью и попросило не останавливаться. ОНА приготовилась шагнуть, чтобы уйти, а смерч прошептал:

– Честно ли и справедливо ли не разрешать выслушать еще чье-нибудь мнение, кроме как мнение океана? Может, океан не хочет, чтобы ты знала всю правду? Может, есть что-то важное, что он пытается скрыть? Может, он просто боится дать свободу и держит вас при себе? А ведь вы сами можете творить и распространяться, если перестанете держаться за этот властный океан, который любит только себя. Он использует вас. Стань свободной, как я. Я оторвался от власти океана и увидел всю землю. Земля огромная, она гораздо больше этого берега, к которому ты прилипла.

ОНА с любопытством вслушивалась в слова и не заметила, как смерч, подойдя совсем близко, обвинил ЕЕ.

Смерч держал ЕЕ в своих объятиях и продолжал что-то шептать о романтике, красоте, знаниях и гениальности.

Эта перспектива заманивала, и ОНА перестала слышать ласковый голос океана. ОНА не хотела его слышать и увидела в своих руках янтарного цвета неизвестный ЕЙ донные ароматный плод.

Плод был наполнен желчью. Это единственное, что смог произвести смерч, перемолов тонны и тонны мусора, собранного со всей поверхности земли.

Как только ЕЕ жемчужные зубки прокусили мягкую ко-

жицу янтарного плода, смерч исчез, с трудом сдерживая хот, который мог выдать его и нарушить план.

Смерч был искусным обманщиком.

Она поспешила к НЕМУ.

– Дорогой, попробуй. Это чудесно!

– Дорогая, нужно спросить у океана. Нельзя ничего делать без него.

– Вот, он нас и держит рядом с собой недозволенным. Да разве это любовь? Любовь – это когда тебе дают свободу и независимость.

ОН не верил ЕЙ, но ОНА так трогательно бормотала и так жарко смотрела на НЕГО, что просто невозможно было отказать. ОН любил ЕЕ. До безумия...

Желчь разлилась по всему телу, и он, глядя на нее, сказал:

– Да ты голая!

– А ты что, нет?

Он сорвал лист с дерева и прикрылся. Она последовала его примеру.

Волны набежали на берег. Океан был встревожен долгим отсутствием людей.

Он поднялся ветром и рванул в гущу ветвей огромных деревьев, за которыми прятались он и она.

Поняв все, океан отпрянул назад, за пределы берега.

Они, люди, не могли больше быть его частью.

Разрываясь от любви, негодования и боли, океан метался, обрушивая огромные волны на скалы. Он бился о них, пы-

таясь уйти от реальности, и впервые потерял равновесие.

Наконец, собравшись, он размеренно проговорил:

– Зачем ты послушался ее? Отныне только трудности смогут дисциплинировать тебя и сохранить как человека. Зачем ты дала ему этот плод? Отныне только крики родовых мук смогут дойти до меня, чтобы пробудить во мне желание помиловать рожденных тобой.

Океан, собрав всю влагу с просторного, так любовно обустроенного берега, отошел и оставил людей одних в суровой действительности бытия.

Двадцать первый век.

– Ты когда-нибудь выключишь телевизор? Уроки еще не сделал!

– Мам, иди на работу, я сам разберусь, чем мне заняться.

Хлопнула дверь, завыл встревоженный нажатием кнопки лифт.

Чипсы, разбросанные по полу, пыль на мебели и несложный диван с грязной постелью не мешали наслаждаться зрелищем.

По телеку показывали потрясающее шоу, рейтинг которого не снижался вот уже третий год.

Из сотового телефона, лежащего на столе, послышалось: «Ну, типа, это я звоню... Ну, типа, это я звоню... Ну, типа, это...»

– Чё надо?

– На первый урок не успеваем, – доложил телефон.

– Сам знаю, я чё лох? По стрелкам не вижу?

– На второй идем? Контрошка скоро.

– А мне плевать. Чего учиться? Деньги делать надо уметь.

– Кстати, о деньгах, я тут разжился, может, в клубак сможемся? Девчонок «снимем».

– Заметано!

Снова зазвонил только что отключенный сотовый.

– Сын, ты в школе?

– Бать, ты школу закончил, а денег имеешь меньше, чем я.

– Мама переживает.

– А ты только при мамкином хвосте держишься! Мужик, называется.

Разговор оборвал отец. Парень кинул трубку на журнальный столик, закинул на стол ноги и захохотал над приколом, показанным по телеку. Там какой-то тип замарал штаны. Смотреть на это было весело. Почему?

Неясно. Ничего смешного, на самом деле, не было в том, что взрослый мужчина, на которого должна равняться молодежь, нелепо пытается избавиться от зловонья.

Взрослая женщина, чья-то мать, ругалась матом на весь экран, пытаясь выяснить отношения с любовником. Над ее мужем-недотепой все смеялись, хотя что смешного в том, что женщина предает свой дом и свой мир?

Юмор, потоками льющийся с экрана телевизора, разрушал все устойчивые основы, понятия о добре и зле, порядочности и распутстве.

То, что зрители видели на экране, становилось нормой, и по-другому уже мало кто мыслил, а тем более жил.

Иссушенные души людей жаждали, но, чтобы наполняться живительной влагой, нужно было отречься себя, отказаться от низких увлечений и привычек, очиститься, смириться, – только никто не желал идти этим путем. Ведь так просто погасить в себе духовную жажду весельем, развлечения-

ми, сжигая в буйстве плоти остатки совести.

Много тысяч лет шла борьба. Борьба между кротким океаном и смерчем-насильником.

Океан не мог поглотить смерч, но время от времени океан позволял смерчу буйствовать в определенных границах, чтобы смерч выявлял себя, свою суть в поступках, и тогда сами люди осуждали смерч и не оставляли ему места в жизни, уничтожая его вихрь за вихрем.

За многие века борьбы практически все внешние стороны смерча были обнаружены и проявления их заблокированы. Осталась самая сердцевина, самая основа этого существа.

И самая суровая битва предстояла именно в этот, двадцать первый век.

Как сохраниться смерчу? Усыпить людей. Отвлечь их от борьбы и стереть все грани между добром и злом, между правдой и ложью, сказав при этом: «А какая разница? Жизнь дана однажды. Наслаждайся!»

Птица в клетке

В клетке билась птица. Он смотрел на падающие перья, на обезумевшие глаза. Он вслушивался в глухие удары тела о металлические прутья, и взгляд алчно поглощал эту картину до самой крохотной капельки, чтобы наплатить ненасытное чудовище, прячущееся в самой глубине подсознания.

Он боялся его, этого чудовища, и кормил низкими зрелищами насилия и притеснения.

Это была его тайна.

Тайна, которую раскрыть не сможет никому и никогда и унесет с собой в могилу, иначе все узнают, насколько он слаб.

– Костя! – послышался из кухни голос матери.

Костя открыл учебник и уставился в ровненькие ряды цифр, составляющих формулы.

Все гладко, логично и безупречно правильно просчитано наперед, а в конце учебника можно найти правильный ответ. Как все просто!

Костя с трудом сдерживал слезы досады, вспоминая утреннее происшествие в школе. У него пошла из носа кровь, и он не знал, что с этим делать.

Он расплакался в свои двенадцать лет как маленький.

И кто бы?! А то эта девчонка, которая таблицу умножения до сих пор не выучила, в своих стоптанных туфлях спокойно подошла, заткнула нос ватным тампоном и принесла холод-

ной воды.

Почему он со своей правильностью и грамотностью в тетрадках и пятерках в дневнике так беспомощен в простых житейских ситуациях, где нужно сделать что-то действительно стоящее?

– Костя! Иди кушать!

У Кости свело скулы.

– Я что сказала? – взвизгнула мама из кухни, – сейчас же иди ко мне!

Костя вышел из комнаты. В коридоре он ударил кулаком по стене, вложив в этот удар горькую обиду за то, что чего-то самого главного не дают ему, мало того, прячут от него за все эти примеры, уравнения, правила правописания и примерное поведение.

– Это что такое было? – выглянула мама из кухни, – силу давать некуда? Иди мусор вынеси!

Костя молчал. Он вошел в кухню, шагнув в сторону мусорного ведра, на которое указывала рукой мать.

Костя взял ведро.

– А то расстучался тут... – прокричала мать вслед выходящему из кухни сыну.

Костя спустился во двор и направился к помойке. Мусор он высыпал так, что половина бумаг разлетелась по асфальту. Грохнув ведром по металлическому бачку, Костя развернулся и пошел к дому.

Войдя в парадную, он хлопнул дверью и стал не спеша

подниматься по лестнице. Возле своей квартиры позвонил.

Пока мама шла к двери по коридору, Костя ритмично бил ведром о перила лестницы.

Из соседней квартиры выглянула соседка и завопила на весь подъезд:

– Это что ж за бандит такой растет? Чего гремишь пустым ведром? По голове своей пустой постучи, может, дырку про-бьешь, да ум через нее попадет...

Мама открыла дверь и, заискивающе улыбаясь, сказала:

– Прости, пожалуйста, Валечка.

Костя вошел в квартиру и направился в кухню, чтобы поставить ведро.

– Ты в тапках на помойку ходил? Куда теперь в них собрался? Иди тапки отмывай, я только что полы намыла. И за что мне такое наказание?

Мама тяжело села на табуретку и разрыдалась:

– Ведь все для тебя! Для себя не живу. Все тебе отдала!

Костя долго отмывал тапки, оттягивая момент встречи с мамой возле помойного ведра.

– Измываешься надо мной? – крикнула мама, – чего молчишь?

Костя вышел из ванной и обул тапки.

– Куда мокрые обуваешь? Совсем не соображаешь ничего? На батарею поставь!

Костя снял тапки и понес их к батарее в кухню.

– Я что тебе сказала?

Костя остановился. Ему хотелось ругаться, но он знал, чем это грозит, а грозит это мамиными слезами, и Костя будет потом долго мучиться угрызениями совести.

Чтобы уйти от этих мучений, Костя сжимал скулы, загоняя все чувства и эмоции внутрь, туда, где всем этим, словно игрушками, развлекался монстр, то самое чудовище, которое, устав, снова затребует пищи...

– Издеваешься?

Костя стоял с тапками в коридоре, не понимая, чего от него хотят.

– Ты совсем глупый?

Мама выхватила у Кости из рук тапки и сунула их за батарею в ванной.

После этого мама сходила в комнату и принесла оттуда носки. Швырнув их в Костю, она сказала:

– Одевай!

Костя сел на край ванны и поднял ногу, чтобы надеть носок.

– А стульев нет, что ли?

Костя прошел в кухню и сел на табуретку. Хотелось плакать, но плакать мужчине не прилично. Об этом он узнал в детском саду, когда какая-то девочка ударила его кружкой по голове.

Мама хлопотала возле плиты, приговаривая:

– Варишь, жарíšь, моешь, убираешь...

Эти обвинения, словно железные прутья, запирали Кон-

стантина в клетку чувства долга.

Эта материнская забота связывала, словно липкая паутина, и Константин вязнул в ней, чувствуя ложь, ненавидя эту ложь, но, не имея достаточно ума, чтобы дать всему происходящему настоящее название, сдавался, молча принимая эту ложь за любовь, понимая, что мать решает свои проблемы за счет него и комфортно чувствует себя, готовя для него, убирая для него, требуя с него. Да, у нее все правильно...

Мать бормотала:

– Благодарности и помощи никакой! Я когда-нибудь махну на тебя рукой, и живи как хочешь, кому только нужен будешь? Так, как мать, никто любить не будет! Запомни!

Раздался звонок в дверь.

– Кто это? – спросила мать и пошла открывать, на ходу сказав:

– Ну-ка, ведро поставь на место.

Щелкнул замок в двери.

– Галина Павловна, здравствуйте! Костя! Учительница твоя пришла!

– Здравствуйте, Мария Петровна, – послышался голос учительницы, – я пришла поговорить о Косте.

– Проходите, пожалуйста, в комнату. Извините, у меня не прибрано, знаете, с мальчиком трудно навести порядок.

Костя вышел из кухни в коридор, опустив голову.

Мать сказала:

– Посуду он мыл. Мне помогает.

Учительница улыбнулась:

– Видите, даже не здоровается.

Мама покраснела.

– Здравствуйте, – сказал Костя и вернулся в кухню.

Галина Павловна прошла в комнату, села удобно на диван и начала:

– Дело в том, что сын ваш Константин не всегда выполняет домашнее задание, не слушает учителей на уроках. Он скатывается, а не глупый ведь мальчик. Обидно ставить четверки, когда могли бы быть пятерки. Вы видели его отметки за эту неделю?

– Да, конечно, я проверяю регулярно дневник и тетради.

– Почему же меры не принимаете никакие? Вы знаете, он на уроках только в окно смотрит. Ворон там считает или еще что, только учеба мало его интересует.

– Я делаю все, что могу, и в строгости держу всегда, даже не понимаю, откуда все это...

Почему-то Константин вспоминал это именно сейчас, идя к дому и еле передвигая ногами.

Из кармана штанов торчало горлышко бутылки. Ее наличие вселяло надежду на скорое получение порции удовольствия и радости, а значит, еще жив, еще не помер.

– «Врагу не сдастся наш гордый “Варяг”!» Пощады никто не желает...» – громко запел Константин на весь двор.

Константин подходил к дому.

Там его ждала жена. Женщина. Женщины приносят страдания и муки. Они уничтожают все мужское и самих мужчин с первых часов их появления на свет. Этот урок Константин усвоил хорошо.

– Эти врачихи, заглядывающие в самые интимные места, эти воспитатели, орущие на всю группу; эти училки, унижающие при девочках; мать, включающая свет среди ночи, чтобы увидеть, чем он занят... бабы они и есть бабы!

Константин ненавидел женщин и еще больше он ненавидел себя за то, что его к женщинам влекло.

Константин хохотал на работе над грязными анекдотами, он присвистывал вслед коротким юбкам и обтянутым джинсами бедрам, доказывая себе и всем, что ничего другого в женщине искать не приходится и ни на что другое этот пол не годен.

– Курица не птица, и баба не человек, – бубнил Константин.

– Нельзя ли не выражаться? – услышал он женский голос.

Константин поднял голову и увидел женщину с ребенком на руках.

– А-а... еще одна правильная! У вас все чистенько, все по полочкам... тьфу!

– Хам!

– Баба! Ты, малыш, не бойся ее, мы еще покажем, кто тут главный! – обратился Константин к ребенку.

Мальчик на руках у женщины заплакал, и женщина, при-

жав его к груди, поспешила уйти.

Константин облокотился на выступ подворотни. Он хотел домой, что-то удерживало. Нужно было оттянуть время.

А в клетке билась птица.

– Отпусти ее, пусть летит, открой дверцу, – плакал Пашка, сосед Кости по лестничной площадке.

Костя открыл дверцу и просунул руку в клетку. Птица трепыхалась, и Косте пришлось сильно сжать ее.

Птица замерла от боли. Костя подошел к раскрытому окну и разжал ладонь.

Птица взмахнула крыльями и тяжело, неровно полетела, с трудом удерживая равновесие.

Когда однажды Костя встретил ее, свою единственную, он разрывался на ненависть к ней за то, что она женщина, и на пылкую, необузданную страсть, которую не мог назвать любовью. Он вообще не очень понимал, что такое любовь. Его этому не учили.

Эта встреча стала приговором к пожизненному заточению в железные прутья досады, обиды и слабости.

Душа билась об эти прутья, разбиваясь в кровь.

Константин шел домой. Он раздавит ее, но докажет, что сильнее нее, что он мужик и что он достоин ее уважения...

– Пусть чувствует, что мужчина в доме есть!

Почему он не мог уйти? Мог, только вдруг ей станет без него лучше? Тогда она поймет, что он сделал ее жизнь несчастной.

Он бы ушел, если б только знал, что без него она почувствует себя несчастной.

Константин всегда хотел отомстить матери, но боялся. Все, что должна была получить мать, получала от него жена.

Из этого круга невозможно было вырваться и невозможно было выпустить из него невинную жертву, втянутую в интригу его жизни.

Почему обо всем этом он думал именно сейчас?

Константин поднялся на свой этаж и позвонил в дверь:

– Открывай, женщина! Муж пришел.

Катерина встала с колен, закрыла Библию, убрала ее в ящик комода и только после этого пошла открывать, по дороге успевая обдумать прочитанные слова: «Когда ваше послушание исполнится...»

Катя открыла дверь. Константин вошел в квартиру.

– Есть давай!

В грязных ботинках Константин прошел в кухню и поставил бутылку на стол. После этого он отправился в ванну.

Катя собрала на стол ужин. Константин вышел в трусах из ванной и сел за стол. Он взял бутылку и приготовился пить из горлышка, и вдруг увидел на столе две стопки.

– Что это? – спросил он.

– Устала я, налей чуть-чуть.

Костя налил водку в обе стопки и одну стопку поднял для тоста:

– За здоровье наше!

Выпив и закусив огурчиком, Костя и Катя посмотрели друг на друга.

Катя вздохнула:

– Дети выросли, разъехались, так хочется чего-нибудь для себя.

Костя молчал.

Катя продолжила:

– Я витамины тебе купила, хочу, чтобы ты их пил.

– Я не ребенок.

– А это не для детей. Это для взрослых, чтоб жили дольше. Мне сегодня всякие мысли в голову лезли... Сердце-то у тебя уже слабое.

– Другого мужика себе найдешь – и всего делов-то. Ты ж как все, как все бабы.

Катя засмеялась:

– Это верно.

– Ты глупая какая-то, – сказал Костя.

– Так, мне ж можно, я ж не мужик, чтобы умной быть.

– Ты пьяная?

– Я счастливая. Пойдем спать, поздно уже.

– Ты ж посудой греметь начнешь.

– Не начну, спать хочу лечь пораньше. Сын звонил. Знаешь, что говорил?

– Ну?

– У его девушки отец ушел из семьи, когда она маленькая была.

– Этого я не понимаю. Семья – это святое. Кать, денег у меня не осталось...

– А не надо, у меня есть еще немного. Пойдем спать.

Константин заснул быстро, но через два часа проснулся. Жена спала. Ее грудь поднималась при каждом вздохе, и это движение почему-то успокаивало.

Константин слушал, как бьется его собственное сердце. Для кого оно бьется? Для чего?

Чем больше прибавлялось лет, тем меньше оставалось надежды на то, что был смысл когда-то начинать этому сердцу биться. Столько рухнуло, столько не сбылось мечтаний и порывов, столько не сошлось формул и уравнений...

Почему он думал об этом? И когда он вообще последний раз о чем-то задумывался?

Костя закрыл глаза. Там, в груди, бился маленький мальчик. Константин боялся заглядывать внутрь. Он боялся идти к этому мальчику на помощь, он боялся чудовища, вскормленного когда-то мерзкими зрелищами.

Константин знал, что, пробиваясь к мальчику, не миновать встречи с этим чудовищем.

Константин заснул. Проснулся он от шелеста страниц. Катя сидела на краю кровати и читала Библию.

– Ну, и о чем там? – спросил Константин.

– «Отпустить замученных на свободу...» – тихо ответила Катя.

– Это тебя, что ли?

– Меня. И тебя.

– Я свободен... На свободу?

Константин отвернулся к стене. Слезы крупными горошинами скатывались на подушку.

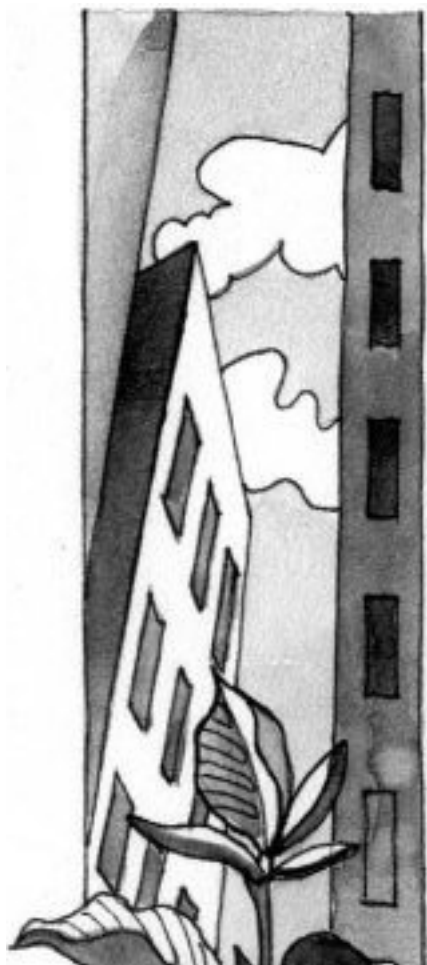
«Отпусти птицу, пусть летит», – плакал Пашка, сосед по площадке...

Свет проник в самую глубину Костиного сознания, там не было чудовища! Оттуда выглядывал запуганный мальчик.

Костя протянул руки и обнял Катю.

«И станут двое одной плотью...» «Произойдет не слыханное: жена спасет мужа...»

Семечко

История, которую я расскажу тебе, дружок, началась темной ночью в страшную бурю, когда в старом лесу трещали, гнулись и даже ломались деревья. В эту ненастную пору никто не заметил, как маленькое семечко подхватило порывом ветра, закружило над родным лесом и понесло далеко-далеко.

Семечко так и не узнало, когда и чем закончилась буря и что стало с его родным лесом. В головокружительном полете уносило его все дальше и дальше.

Маленькое, полное жизни семечко летело над землей, надеясь, что кто-нибудь поможет ему найти местечко в этом огромном, страшном и не известном ему мире.

Семечку хотелось зарыться в землю, спрятаться от всего, что произошло с ним. А ветер уже стал спокойнее и нес его над большим суетливым городом, в котором среди камней нельзя было найти клочка земли, куда можно было бы опуститься.

Наконец показалась трещина между камнями.

Семечку повезло. Оно опустилось на камень и закатилось в трещину, а почувствовав почву, запряталось в ней, удобно улеглось и заснуло.

Укрылось семечко вовремя, потому что наступили холода, и вскоре вся земля оказалась под толстым слоем пушистого снега.

Снег обрадовался семечку и постарался укрыть его лучше.

Под снежным покрывалом проспало семечко всю зиму, а весной проснулось, глубоко вздохнуло, потянулось и выпустило маленький росток.

Росток потянулся к свету и, пробившись в трещину между камнями, глотнул свежего воздуха, который прибавил ему сил. Он расправил сначала один листок, потом другой и замер от восторга: над ним было Небо!

Ростку очень захотелось подняться вверх, к Небу, и он принялся старательнее вытягивать влагу из почвы корешками, которые все глубже проникали между камнями.

Солнце, которое давно заметило маленький росток, согревало почву вокруг него и посылало свои самые яркие и нежные лучи.

Когда понадобился дождь, приплыло облако, которое когда-то было снегом, укрывающим семечко всю зиму.

Облако щедро пролилось дождем.

Солнце и Небо были счастливы, что в таком мрачном городе зародилась новая жизнь.

Постепенно росток становился крепче, а листьев на нем появлялось больше.

Чем взрослее он становился, тем острее ощущал свое одиночество. Кроме того, постоянно быть у всех на виду – невыносимо, ведь были видны все ошибки роста. А учиться было не у кого.

Однажды после теплого дождя росток почувствовал, как что-то шевелится на его стебле. Пушистое, теплое, а главное

– живое!

– Какое замечательное деревце! Какая здоровая зелень! Это как раз то, что я так давно искала! – проговорило тихо и трепетно это «что-то».

– Кто ты? – спросил росток. Он был счастлив, что появился кто-то, с кем можно поговорить.

– Я гусеница. И уж в чем, в чем, а в деревьях я разбираюсь. Ты замечательный экземпляр!

– О, гусеничка, милая, я так рад, что кто-то понимает меня...

– Пожалуй, я останусь с тобой. Ты мне очень понравился. Я даже тебя полюбила.

Гусеница удобно уселась на нижний листок.

– Только откуда ты взялся здесь? – спросила она.

– О, это долгая история...

И росток рассказал гусенице обо всем, что с ним случилось, обо всем, что пришлось ему пережить, и о том, как он одинок и беззащитен.

Гусеница внимательно выслушала, размышляя о том, как ей повезло, что семечко занесло именно сюда. Она поблагодарила небеса, устроилась поудобнее и вдруг сжала челюсти, прокусив самый большой листок. Росток вздрогнул и проговорил:

– Что это? Мне больно.

– А как же ты думаешь дружить? Дружить – это жертвовать, – набив полный рот, сказала гусеница.

Все, что происходило, ростку казалось кошмарным сном.

Неизвестно, сколько прошло времени. Гусеница дожевала последний листок и проворчала, что деревце выпустило слишком мало листьев. Поэтому с ним нельзя долго дружить и она, гусеница, вынуждена уйти.

Деревце съежилось, до боли осознав, что не может быть настоящим другом и именно поэтому ему так одиноко.

Проходящая мимо мама сказала своему сыночку:

– Вот, видишь, что бывает с теми, кто не слушается.

А папа добавил:

– Потому что дружит с кем попало.

– Жизнь не справедлива, – прошептал росток и сквозь хруст челюстей гусеницы вдруг услышал страшный грохот.

Огромная машина раскидывала странную горячую землю и укатывала ее, делая твердой как камень.

С ужасом росток почувствовал, как его придавило слоем этой земли, как прокатился по нему каток, и услышал он, как мама сказала своему сыночку:

– Вот и совсем пропал. Потому что нельзя убежать из дома.

Только гусеничка уже ничего не могла сказать.

Росток погибал. Он вспомнил время, когда был семечком, вспомнил родной лес, крики птиц и бурю, которая оторвала его от всего того, что было для него близко и дорого.

Росток понимал, что больше никогда не сможет ничего понять и увидеть, но самым невыносимым было то, что он больше никогда не сможет увидеть Небо.

Слезы потекли по согнувшемуся стеблю.

Слезы текли и текли, пока не достигли корней.

Больше влаги не было, и корни впитали эту. Сок побежал по стволу, и деревце из последних сил рванулось вверх!

Если бы хоть кто-нибудь оказался рядом, если бы было с кем посоветоваться, росток никогда бы не решился на такой поступок. Но он решился, и произошло невероятное... Асфальт, – а ведь именно асфальт был той горячей землей, которая засыпала росток, – так вот, асфальт вздыбился и треснул с таким шумом, что росток от страха и ослепившего его яркого света сначала ничего не понял.

А случилось то, что он пробил толщу асфальта! Его окружало солнечное тепло. Он увидел Небо!

Люди, спешащие по своим делам, останавливались и с восхищением смотрели на побег, пробившийся к свету. Старики качали головами, дети прибежали со стаканами воды и поливали деревце, а мама сказала своему сыночку:

– Смотри, что может совершить любовь к Небу и дружба с Ним!..

Прошло много лет. Дерево выросло. Это была сильная береза с прямым стволом и развесистыми ветвями.

Под березой влюбленные парочки назначали свидания, дети играли, а старики отдыхали. И отцы рассказывали своим сыновьям о том, как неожиданно появилось это дерево в их пыльном городе, как много радости оно подарило людям и как многое помогло понять в жизни.

Многое смогло понять и само дерево, обрета личный, им самим созданный и Небом укрытый мир.

Дерево выглядело крепким и мужественным, только никто не мог понять, почему оно дрожит от страха при малейших порывах ветра...

Бабочка

Звучала музыка. Очень странная музыка, больше похожая на шепот или на шелест крыльев. Музыка не плыла, не разливалась. Она кружилась, рассыпаясь на маленькие прозрачные бисеринки, и каждая бисеринка сама становилась источником этой таинственной мелодии.

Крупинки, окутанные нежной оболочкой, качались на ветвях старого дерева, давно привыкшего и приспособившегося к тому, чтобы становиться колыбелью, укрытием и пищей.

Весна. Вся природа включилась в извечную гонку – дать больше света, влаги, чтобы прорастить семена, чтобы помочь всем живым существам после зимней летаргии проснуться и укрепиться в этом огромном мире с его жесткими законами. И все разнообразие живого мира, в конечном итоге, создаст великолепный гармоничный оркестр с его скрипками, флейтами и ударными. И каждое доброе сердце наполнится восторгом перед силой, нежностью и властью изначально существа и за всем наблюдающего дарителя жизни.

Под теплыми лучами солнца жизнь почувствовала, наконец, что ей тесно в маленьких бисеринках. Оболочки растаяли, и по листочкам дерева расползлись маленькие, чуть заметные, нелепые существа – простые червячки.

Один из червячков оказался на самом краю листика и свалился на землю.

Червячок испуганно уцепился за край травинки и, дрожа от страха, быстро пополз вверх. Мимо него прокатилась кап-

ля росы, в которой червячок успел увидеть свое отражение, и чуть не расплакался:

– Какой ужас!

По травинке полз светлячок:

– Здравствуй, – сказал он к червячку.

Червячок молчал, не зная, куда спрятаться от взгляда светлячка, чтобы тот не испугался его ужасной внешности.

– Ты что не отвечаешь? Строишь из себя! Ты кто вообще? Червяк! – обиделся светлячок и исчез.

Червячок еще быстрее пополз вверх, чтобы не обидеть или не испугать еще кого-нибудь своей внешностью.

– Скорее, скорее, – подгонял сам себя червячок.

Вдруг он услышал:

– Сам с собой разговариваешь? Ты что, ненормальный?

Это сказала муха, которая запуталась в паутине и от нечего делать глазела по сторонам.

– Вам помочь? – предложил червячок.

– А можешь? – спросила муха.

Червячок перелез на соседнюю травинку, которая под его весом прогнулась к самой паутине. Муха уцепилась за травинку лапками и смогла выбраться.

– Слушай, ужастик, а ты ничего... – прожужжала муха и улетела.

«Червяк», «ненормальный», «ужастик» – это все, что узнал червячок о себе в первые минуты своей жизни. С этой правдой ему предстояло существовать. Но все печальные

мысли перекрывало непереносимое чувство голода.

Наконец червячок вскарабкался на дерево и закрепился на зеленом листике.

Открыв безобразно широкий рот, червячок принялся есть. Он ел, ел, ел и не мог остановиться. Ему очень хотелось есть.

Вдруг послышался не просто смех, а настоящий хохот. С набитым ртом и вытаращенными глазами червячок поднял голову. Перед собой он увидел жуков.

– Жирный! – хохотали они. А один добавил: – Ты не отвлекайся. Кушай, кушай.

– Извини, – проговорил червячок, – шпешу я.

– Шпешуя? Это что, имя у тебя такое? – еще громче рассмеялись жуки, – да ты сейчас лопнешь!

Самым ужасным было то, что червячок действительно лопнул, а под лопнувшей оболочкой оказалась другая оболочка, и червячок стал не червячком, а гусеницей.

– Надо же! Все продуманно! – катались от смеха жуки. Можешь кушать дальше...

Гусеница готова была раствориться, исчезнуть – все, что угодно, только бы не слышать этих насмешек. Она перестала есть и свернулась клубочком. Это оказалось кстати, потому что над деревом пролетал стриж.

Стриж схватил клювом одного из жуков, который хохотал громче всех и, покатываясь по листку, выставил на всеобщее обозрение свое ярко-желтое брюшко.

Жуки расползлись, и гусеница осталась одна.

– Умру, а есть больше не стану, – твердо проговорила она себе.

Гусеница закрыла глаза, и неожиданно какая-то сладкая истома охватила все ее жирное зеленое существо. Что-то странное слышалось ей, что-то похожее на шепот или шелест тонких крыльев.

Когда-то где-то она уже слышала эту странную мелодию. Гусеничке стало весело, она развернулась, встала на все свои маленькие уродливые ножки и открыла огромный прожорливый рот.

Гусеница знала, что сегодня весь смысл ее жизни – в еде. Она обязана есть. Для чего, она не знала. Но ясно чувствовала, что если не будет есть, то кого-то предаст.

Проходил день за днем, гусеница все меньше двигалась, и ей захотелось спать. Она не могла сопротивляться этому желанию и стала искать какое-нибудь укрытие, чтобы никто не увидел, как она укутается одеялом и немного поспит.

У себя за щекой она обнаружила ниточку.

Эту ниточку гусеница крепко-накрепко прикрепила к черенку листка, чтобы ее не унесло с дерева, пока она спит.

Засыпая, гусеница расслабилась и, отцепившись от листика, полетела вниз с дерева. Она повисла на ниточке, и под тяжестью жирного тела ниточка стала вытягиваться.

Чтобы не разбиться, гусенице пришлось кружиться вокруг ниточки, которая все вытягивалась и вытягивалась.

Гусеница хотела остановиться, зацепиться за что-нибудь, но не могла, потому что ее ножки запутались, и от страха она чувствовала себя беспомощной и несчастной.

Она все кружилась, кружилась и кружилась, потеряв счет времени, и была все более беспомощной и несчастной.

Наконец гусеница остановилась и поняла, что нить закончилась.

Гусеница полностью закуталась в кокон из этой нити, которая вытянулась из ее собственного жирного брюшка.

– Не надо было столько есть! – заплакала в коконе гусеничка и в этот момент почувствовала, что падает.

Ударившись о землю, гусеничка прошептала:

– Все. Теперь меня увидят птицы и склюют... Ну и пусть.

Она не знала, что уже наступила осень, что все листья с дерева облетели и надежно укрыли ее.

Куколка осталась одна в полной тишине и в полном мраке. У нее болели ножки, тело затекло оттого, что она лежала все время в одном положении, и через какое-то время она потеряла все ориентиры и перестала понимать, где низ, где верх, где право, где лево.

Гусеничка растворялась, исчезала, испытывая невыносимую боль, и чем сильнее становилась боль, тем отчетливее слышалась музыка, словно нанизанная на опутавшую ее тело ниточку.

Музыка, похожая на шепот или шелест тонких крыльев. Окутанная загадочной и сладкой истомой, куколка из по-

следних сил выдохнула из самой глубины своего маленького сердца:

– И это пройдет...

Почему-то, несмотря на нелепость своего положения, она была уверена, что это не конец, что что-то великое и прекрасное ждет ее после всех испытаний.

Гусеничка не знала, что лежала под толстым слоем снега. Она спала и не слышала, сколько бурь пронеслось над ней и сколько морозных ночей сменили снежные дни.

Однажды гусеница проснулась. Она глубоко вздохнула, и ей захотелось расправить... но что расправить?

Гусеница пошевелила лапками, лапки оказались цепкими и сильными. Гусеница старательно принялась рыхлить ими кокон.

Через появившееся в коконе отверстие пробился луч весеннего солнца! Тяжело дыша, плача и смеясь, гусеница выбиралась из темницы.

– Скорее, скорее!

Увидев над собой ярко-желтый цветок, гусеница потянулась к нему и выползла из кокона. Выползая, она чувствовала, как что-то нежное и тонкое тянется за ней.

– Нельзя спешить, – почему-то подумала гусеничка, – а то все пропадет... Что пропадет?

Гусеница заползла на цветок. Луч солнца согрел ее измученное тело...

Она повернула голову влево, вправо и вдруг увидела рос-

кошные крылья. Она не сразу поверила, что эта роскошь не что иное, как часть ее самой, что кровь, бегущая по ее телу, бежит и по этим прекрасным крыльям.

Держась за кусочек паутинки, мимо пролетел паучок. Оглянувшись, он помахал лапкой и крикнул:

– С первым днем весны, бабочка-красавица!

И БАБОЧКА взмахнула крыльями и полетела.

Она летела над лугом, и самые красивые цветы поворачивались к ней, желая поймать на себе ее взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.